

АЮЕВ Даниил Викторович,
студент 4 курса бакалавриата,
кафедра Религиоведения и Теологии,
«Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»,
г. Улан-Удэ, Россия,
e-mail: auevdana@gmail.com

ЭМИГРАЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ ЗАБАЙКАЛЯ В ХАРБИН В 1939–1951 ГГ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. В данной статье предпринимается обзор существующих исследований заявленной темы с целью показать, какие аспекты проблемы уже получили освещение в научной литературе, какие авторы и в каком контексте обращались к данной проблематике. Тем самым историографический анализ становится отправной точкой для постановки нового исследовательского вектора — рассмотрения эмиграции древлеправославных христиан из Забайкалья в Харбин как самостоятельного трансграничного религиозного процесса, включающего пространственное измерение, конфессиональную мотивацию и проблему сохранения духовной идентичности в условиях миграции.

Ключевые слова: старообрядчество, древлеправославная церковь, история переселения, Забайкалье, Китай, Харбин.

AYUEV Daniil Viktorovich,
4th year undergraduate student,
Department of Religious Studies and Theology,
«Buryat State University named after Dorzhi Banzarov»
Ulan-Ude, Russia

EMIGRATION OF OLD BELIEVERS FROM TRANSBAIKALIA TO HARBIN IN 1939–1951: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Annotation. This article reviews existing research on this topic to demonstrate which aspects of the problem have already been addressed in the scholarly literature, which authors, and in what contexts, have addressed these issues. This historiographical analysis thus becomes the starting point for a new research direction: examining the emigration of Old Orthodox Christians from Transbaikalia to Harbin as an independent cross-border religious process, encompassing spatial dimensions, confessional motivation, and the challenge of maintaining spiritual identity amid migration.

Key words: Old Believers, Old Orthodox Church, history of migration, Transbaikalia, China, Harbin.

Введение

Эмиграция древлеправославных христиан из Забайкалья в Харбин в 1939–1951 гг. представляет собой явление, которое до сих пор не получило самостоятельного научного оформления, несмотря на то что отдельные его составляющие фигурируют в исследованиях по истории русской эмиграции в Китае, церковной истории старообрядчества и региональной истории Сибири. Этот хронологический отрезок — между советско-японским пактом о нейтралитете и установлением КНР — представляет особый интерес именно по-

тому, что охватывает период, когда переселение приобрело не стихийный, а отчетливо организованный конфессиональный характер, а Харбин функционировал как действующий церковный центр с оформленной епархиальной структурой.

Степень научной разработанности темы демонстрирует характерную диспропорцию: институциональная история харбинского прихода и деятельность епископата Белокриницкой иерархии изучены несравнимо полнее, чем сам процесс переселения — его маршруты, этапность, мотивационная структура, роль конкретных общин

Забайкалья. С. В. Васильева прямо фиксирует, что жизнь старообрядцев в эмиграции «остаётся малоизученной» [1], однако это наблюдение у неё не трансформируется в постановку исследовательской задачи применительно к забайкальскому компоненту. А. А. Хисамутдинов констатирует отсутствие «комплексных работ по всему старообрядческому движению из Приморья в Китай» [4], тем самым косвенно указывая на незаполненные лакуны в изучении трансграничных миграционных маршрутов. И. Л. Шевнин, работая с архивами органов государственной безопасности, сосредоточен на механизмах репрессий, тогда как эмиграция в его интерпретации выступает лишь следствием государственного давления, но не самостоятельным процессом с собственной внутренней логикой [5]. Это методологическое ограничение — редукция эмиграции к реакции на внешнее принуждение — характерно для значительной части рассматриваемой историографии.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить, какие аспекты эмиграции забайкальских старообрядцев в Харбин уже нашли отражение в научной литературе, определить содержательные и методологические границы существующих исследований и обозначить исследовательский вектор, позволяющий рассматривать данную эмиграцию как самостоятельный трансграничный религиозный процесс с пространственным измерением, конфессиональной мотивацией и проблематикой сохранения духовной идентичности.

Для достижения этой цели в статье решается несколько конкретных **задач**: анализируется тематическая структура публикаций, посвящённых старообрядчеству в Маньчжурии и Забайкалье; выявляются совпадающие интерпретационные позиции авторов; фиксируются историографические упущения применительно к обозначенным хронологическим рамкам; формулируется исследовательская проблема, не покрытая существующей литературой.

Методы исследования

В работе применялся историографический метод в сочетании с проблемно-хронологическим анализом источников. Сопоставление текстов позволило выявить как точки концептуального совпадения авторов, так и устойчивые содержательные умолчания, воспроизводящиеся от публикации к публикации. Привлечение работ В. С. Матющенко [3] и обеих статей С. В. Васильевой [1; 2] дало возможность проследить, каким образом один и тот же объект — харбинская старообрядческая община — описывается в разных исследовательских рамках, не порождая при этом

целостной картины эмиграционного процесса из конкретного региона в конкретный период.

Результаты и обсуждение

Проблема эмиграции древнеправославных христиан из Забайкалья в Харбин в 1939–1951 гг. находится на пересечении нескольких исследовательских направлений: истории русской эмиграции в Китае, истории старообрядчества, региональной истории Забайкалья, церковной истории и исследований репрессивной политики советского государства. В историографии накоплен значительный пласт публикаций, посвящённых старообрядчеству в Маньчжурии и Харбине, а также положению старообрядцев на Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Однако забайкальский компонент эмиграции, равно как и пространственная динамика исхода в обозначенных хронологических рамках, освещены фрагментарно и не выступают предметом самостоятельного комплексного анализа. Так С. В. Васильева отмечает, что жизнь старообрядцев в эмиграции «остаётся малоизученными» [1]. Эта позиция, прослеживается и в других публикациях, где авторы либо ограничиваются локальными сюжетами, либо сосредоточены на институциональной истории без реконструкции миграционной динамики самих старообрядцев. И. Л. Шевнин подчёркивает необходимость введения в научный оборот новых архивных материалов и изучения механизмов репрессий направленных, однако эмиграция рассматривается преимущественно как следствие давления, а не как самостоятельный религиозно мотивированный процесс переселения общины [5].

Современная историография старообрядческой эмиграции в Китай формировалась на пересечении церковной истории, истории русской эмиграции и региональных исследований Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на различия в методологических установках и источниковой базе, анализ публикаций показывает наличие ряда устойчивых совпадающих положений, которые определяют общую научную картину проблемы.

Прежде всего, практически все исследователи трактуют эмиграцию старообрядцев как вынужденный исторический процесс, обусловленный политическими и религиозными событиями в России первой половине XX века. В работе А. А. Хисамутдинова подчёркивается, что разрушение традиционного уклада в результате коллективизации стало ключевым фактором исхода: «к 1930 г. коллективизация докатилась и до Дальнего Востока, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян» [4].

Аналогичная причинно-следственная связь прослеживается и в исследовании И.Л. Шевни-

на, который, анализируя архивы органов государственной безопасности, отмечает трагические последствия репрессий 1930-х годов [5]. Тем самым в этом контексте закрепляется тезис о том что эмиграция старообрядческих общин в северный Китай, выступает явной реакцией на репрессивную политику государства в период политического террора.

Вторым общим положением является признание Харбина центральным духовным и организационным центром старообрядческой эмиграции. Так, В. С. Матющенко, исследуя становление харбинского прихода, подчёркивает, что именно в 1917 г. «старообрядцы, эмигрировавшие в Северный Китай, создали приход в г. Харбин» [3]. С. В. Васильева в работе о роли Харбина в истории старообрядчества Забайкалья отмечает создание Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии и перенос центра церковной жизни в Харбин [2]. Таким образом, Харбин в историографии предстает не только местом проживания эмигрантов, но и центром консолидации духовной власти и церковной организации на очень обширных территориях северного Китая.

Третьим объединяющим элементом является акцент на представителей духовенства Белокриницкой иерархии в институциональной структуре старообрядческой церкви. Исследователи подробно анализируют деятельность епископа Иосифа (Антипина), последующего епископа Афанасия, а также протоиерея Иоанна Кудрина. В их работах подчёркивается значение епископа Иркутско-Амурской и всего дальнего востока Иосифа в создании епархиального Совета, в проведении епархиальных съездов мирян и священников [1]. Тем самым формируется институционально ориентированная картина эмиграции, где центральное место занимают церковная администрация и иерархия.

Ещё одной важной темой является подчёркивание адаптационного потенциала старообрядческих общин. Хисамутдинов отмечает, что японские исследователи «детально изучили старообрядческий быт», подчеркивая их способность к хозяйственной адаптации в новых географических условиях. В этих формулировках закрепляется представление о старообрядчестве как конфессиональной общности с высокой степенью внутренней самоорганизации и способностью к сохранению религиозной идентичности в трансграничной среде.

Таким образом, анализ существующих исследований позволяет выделить несколько общих положений современной историографии: эмиграция рассматривается как вынужденный исход,

Харбин признаётся центральным духовным центром, особое внимание уделяется Белокриницкой иерархии и церковной организации, подчёркивается адаптационный потенциал старообрядцев, а также признаётся фрагментарность комплексного изучения эмиграционного процесса. Эти совпадающие позиции формируют устойчивый научный дискурс, в рамках которого осмысливается история старообрядчества в Китае. Несмотря на значительный объём исследований и общую проблематику, посвящённых старообрядчеству в Китае и на Дальнем Востоке, анализ научной литературы выявляет ряд устойчивых историографических упущений, препятствующих формированию целостной модели изучения эмиграции древнеправославных общин из Забайкалья в 1939–1951 гг. в город Харбин. Эта формулировка фактически фиксирует состояние проблемы: эмиграция признаётся важным историческим явлением, однако не становится предметом системного анализа.

Аналогичным образом А. А. Хисамутдинов подчёркивает отсутствие комплексных исследований, указывая, что «пока не создано комплексных работ по всему старообрядческому движению из Приморья в Китай, а оттуда по Азиатско-Тихоокеанскому региону» [4]. Данная констатация особенно значима в контексте рассматриваемой темы, поскольку свидетельствует о фрагментарности изучения трансграничных маршрутов и миграционной динамики.

Заключение

Проведённый историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что современная научная литература сформировала устойчивое представление о старообрядческой эмиграции как вынужденной реакции религиозных общин на политические и репрессивные процессы первой половины XX века. Исследования достаточно подробно освещают институциональную историю старообрядческих приходов в Харбине, деятельность епископата, особенности церковного управления, а также социально-экономическую адаптацию переселенцев в Маньчжурии.

В то же время анализ работ показывает, что эмиграция древнеправославных общин из Забайкалья в 1939–1951 гг. не стала предметом самостоятельного комплексного исследования.

Забайкалье, несмотря на его значительную роль в формировании ареала компактного проживания старообрядцев, рассматривается преимущественно в контексте епархиальной истории или как часть более широких переселенческих процессов. Пространственная динамика исхода, маршруты перемещения, этапность переселения, а также религиозная мотивация эмиграции оста-

ются фрагментарно освещёнными. В результате эмиграция рассматривается либо как следствие давления, либо как фон институциональных изменений, но не как самостоятельный трансграничный религиозный процесс.

Тем самым выявленные историографические работы определяют необходимость нового исследовательского подхода, предполагающего соединение регионального анализа (Забайкалье),

пространственного измерения миграции и профессионально-идентификационной проблематики. Рассмотрение эмиграции древнеправославных христиан из Забайкалья в Харбин в 1939–1951 гг. как формы духовного выбора и механизма сохранения религиозной идентичности в условиях трансграничного перемещения позволяет выйти за рамки существующей интерпретационной традиции и задать новое направление исследования.

Список литературы:

- [1] Васильева С. В. Документы Национального архива Республики Бурятия о старообрядчестве в Харбине в 1920–1930-е гг. // Отечественные архивы. – 2010. – № 4. – С. 95–101.
- [2] Васильева С. В. Харбин в истории старообрядчества Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 126–130.
- [3] Матющенко В. С. История харбинского старообрядческого прихода // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2013. – С. 120–125.
- [4] Хисамутдинов А. А. Русские старообрядцы в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 6. – С. 146–154.
- [5] Шевнин И. Л. Необоснованные репрессии против Русской православной старообрядческой церкви в Дальневосточном крае в начале 1930-х годов // ДВГНБ. – 2010. – № 3(48). – С. 112–125.

References:

- [1] Vasilyeva S. V. Documents of the National Archives of the Republic of Buryatia on the Old Believers in Harbin in the 1920s–1930s // Domestic Archives. – 2010. – No. 4. – Pp. 95–101.
- [2] Vasilyeva S. V. Harbin in the History of the Old Believers in Transbaikalia // Bulletin of the Buryat State University. – 2009. – No. 7. – Pp. 126–130.
- [3] Matyushchenko V. S. History of the Harbin Old Believer Parish // Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. – Blagoveshchensk: Amur. State University, 2013. – Pp. 120–125.
- [4] Khisamutdinov A. A. Russian Old Believers in China // Problems of the Far East. - 2011. - No. 6. - P. 146-154.
- [5] Shevnin I. L. Unjustified repressions against the Russian Orthodox Old Believer Church in the Far Eastern Territory in the early 1930s // DVGBN. - 2010. - No. 3 (48). - P. 112-125.



ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.